

*Историческое
наследие*

В. А. ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

том

4

В.А.Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Турецкая война
1828-1829 гг.

том

4

СТАВРОПОЛЬ
«КАВКАЗСКИЙ КРАЙ»
1994

ВЗЯТИЕ АНАПЫ

В то время, как на главном театре войны Паскевич только еще готовился к походу, вдали, на берегах Черного моря, совершилось другое событие, весьма важное для дальнейших судеб войны в Азиатской Турции,— перед русскими войсками пала Анапа, этот оплот турецкого влияния на черкесов, а через них и на другие племена, населявшие Кавказские горы.

Серьезное стратегическое значение Анапы обуславливалось самым ее географическим положением у моря. По отношению к черноморской кордонной линии, она была тем же, чем Ахалцихе на границе Грузии, то есть источником вечных тревог и поддержкой черкесских набегов. При таких условиях Анапа могла не только мешать сношениям европейской России с Закавказьем по Черному морю, но, распространяя свое влияние далеко внутрь страны, до волновавшихся Абхазии и Гурии, создать по обе стороны Кавказа, в тылу действующей армии, неисчислимы затруднения. Оставить ее в руках турок, во время войны с этой державой, значило иметь за своими плечами постоянную угрозу. Недаром султан, в одном из своих фирманов, прямо называл Анапу ключом азиатских берегов Черного моря. И вот, чтобы разобщить два мусульманских народа, взаимно поддерживавших друг друга, нужно было держать в руках этот ключ, и взятие Анапы, при каждой войне с Турцией, входило в число важнейших стратегических соображений.

Турки, со своей стороны, хорошо понимали значение Анапы, дававшее им возможность, не расходуя наличные боевые силы, распространять военные действия на огромном пространстве, охватывавшем все северо-восточное побережье Черного моря и Прикубанье, и потому крепко держали ее в своих руках. В Стамбуле не без основания рассчитывали, что достаточно только подогревать в черкесах религиозный фанатизм, чтобы держать эту страну в постоянном возбуждении против России. И они не жалели денег, осыпали черкесов подарками, снабжали их порохом, артиллерийскими орудиями, ружьями, а вместе с тем и проповедниками. Для черкесов Анапа служила представительницей мусульманского могущества и была в одно и то же время и арсеналом, и «весью» Аллаха, своего рода Римом, откуда в их землю шли один за другим апостолы магометанства. Случилось однажды, что из Анапы отправлено было сразу до трехсот мулл и дервишей. Красноречивым проповедникам недоставало, однако, весьма важной вещи — знания черкесского языка, и религиозная пропаганда их осталась поистине гласом, вопиющим в пустыне. Современники этой эпохи рассказывают, что и дервиши и муллы очутились под конец в весьма критическом положении, рискуя даже умереть с голоду. Но зато на сцену выступили немедленно другие интересы, сблизившие черкесов с миссионерами, быть может, прочнее, чем это могли сделать религиозные наставления. Чтобы выйти из своего неприятного положения, немые проповедники принялись за торговлю юным черкесским населением, и этот род просвещения превосходно был понят жадными до барышей черкесами. Красивые женщины и мальчики, поодиночке и целыми партиями, находили отличный сбыт в Анапе. Закипела бойкая торговля — и отдать теперь такое сокровище, как Анапа, неверным, которые прежде всего наложили бы свою руку именно на эту торговлю, уже было невыгодно ни горцам, ни туркам. Они обещали друг другу взаимную помощь. И вот в то время, как поднималась над горизонтом грозная туча войны, турецкое правительство поручило французским инженерам усилить оборонительные верки Анапы, удвоило в ней гарнизон и, вместо слабого Гассанпаши, назначило ее комендантом известного своей храбростью Чатыр-Осман-оглы. Нужно сказать, однако, что храбрость была единственной добродетелью нового начальника — его предшественник был гораздо умнее и деятельнее.

Русское правительство, со своей стороны, готовилось овладеть Анапой. И уже в то время, когда призрак войны еще только вставал в далекой перспективе, князю Меншикову, при возвращении его из Персии в 1826 году, поручено было, между прочим, собрать по возможности точные сведения о силе Анапских укреплений. К сожалению, отношения между Россией и закубанскими горцами тогда были настолько обострены, что пришлось отказаться от мысли узнать через них хоть что-нибудь об Анапе. Сохранилась, однако, одна любопытная переписка, свидетельствующая об этих стремлениях русского правительства. Нужно припомнить, что все время с 1807 по 1812 год, когда Анапа находилась в русских руках, комендантом ее был генерал-майор Бухгольц, женатый на черкесской княжне и через нее имевший в горах большие родственные связи. К нему — он был тогда комендантом в Керч-Ениколе — и обратился в 1827 году князь Меншиков. Письмо его, к сожалению, не застало Бухгольца в живых, и за него ответила жена его. Вот что писала она.

«Разбирая бумаги покойного мужа, касающиеся сдачи им Анапы, я нашла подробный план крепости, который при сем и посылаю. А так как я находилась в Анапе вместе с моим мужем, то знаю лично, что крепость эта была вооруженная, но, по приказанию мужа, когда ее сдавали Порте в 1812 году, разрушены были главные укрепления и самые контрфорсы ослаблены, а орудия свезены на флот. По настояниям паши оставлено было в то время там лишь несколько самых дурных пушек с негодными лафетами. Подробное описание Анапы, как я полагаю, погибло во время кораблекрушения, которое постигло судно, ибо ехавший на нем священник с семейством, вся канцелярия и все наше имущество утонули.

Будучи сама уроженкой Черкесии, я поныне сохраняю родственные связи, доверие и приверженность к себе натухайцев, шапсугов и абадзехов, имею родственницу даже в самой Анапе. И если бы сведения эти требовались раньше, то имела бы случай и твердо убеждена в этом, то могла бы достать вам вид настоящих укреплений Анапы и все средства ее, так как крепость находится теперь в сильно оборонительном положении. Всегда желала я доставить родине моей покровительство монарха и для этой цели имела на родственников моих непосредственное влияние, с твердостью удерживаю и поныне средства подкреплять мое намерение, сопряженное с ис-

кренним желанием отвлекать народ сей от его заблуждений».

Чем кончилась эта интересная переписка и вообще, были ли успешны тогда попытки Меншикова собрать сведения об Анапских укреплениях — неизвестно.

Но вот наступил 1828 год; разрыв с Турцией стал уже совершившимся фактом, и Анапа вскоре должна была испытать на себе силу русского оружия.

В азиатской Турции военные действия еще не начались, и даже вторая армия, графа Витгенштейна, еще только собиралась на Пруте, а к восточным берегам Черного моря уже снаряжена была морская экспедиция и шли сухим путем русские батальоны. Взятие Анапы должно было быть одним из первых чувствительных ударов Порте. Император Николай Павлович сознавал трудности, с которыми была сопряжена осада сильной крепости, поддерживаемой извне многочисленным горским народом, и на покорение Анапы послал десантный отряд, сопровождаемый флотом для морской блокады и бомбардирования крепости.

По отдаленному положению от театра военных действий, предположенных в азиатской Турции, и по совершенному недостатку войск на Кавказе, Анапа включена была в черту действий Дунайской армии; поэтому из Екатеринославской губернии передвинута была в Севастополь егерская бригада седьмой пехотной дивизии, назначавшаяся для десанта, а со стороны Кавказа должны были участвовать в предприятии только Таманский гарнизонный полк и четыре полка черноморских казаков.

Эскадра, под начальством вице-адмирала Грейга, с десантом сухопутных войск, вышла из Севастополя к кавказским берегам 21 апреля. В то же самое время к Анапе двигались и со стороны черноморской линии два конные, восьмой и девятый, и два пешие, пятый и восьмой, казачьи полки с конной батареей, предводимые самим войсковым атаманом Бескровным. По пути к ним должны были присоединиться шесть рот Таманского полка, рота Нашебургского и четыре орудия. Весь этот отряд поступал в команду флигель-адъютанта полковника Василия Алексеевича Перовского¹, который быстрым движением к Анапе должен был очистить край от неприятельских шаек и обеспечить высадку десанта.

¹ Впоследствии известный генерал-губернатор Оренбургского края.

Бескровный шел впереди, и перед его отрядом скоро показались признаки близости неприятельской крепости: 28 апреля черноморские пластуны наткнулись на турецкий караул, стоявший на противоположной косе Бугаза, и сняли его — четырнадцать человек, беспечно занимавшихся рыбной ловлею, были перебиты или взяты в плен; на следующий день на один из русских секретов, уже по ту сторону Бугаза, наехало два неприятельских всадника — и оба были захвачены, один из них оказался турок, другой черкес, 30 апреля — новое столкновение: в то время, как атаман Бескровный с частью своих казаков перешел брод и двинулся к косе Джимитей, показалась черкесская партия. По мере приближения отряда она отступала к горам и, наконец, зажгла несколько домов на Джимитее. Бескровный остановился, не доходя деревни, и занял разоренное укрепление, которое казаки наскоро исправили. Партия, однако, не ушла; она весь день кружилась возле казаков, и только 2 мая, когда к Бескровному присоединился весь отряд Перовского, черкесы исчезли. Погода стояла тогда ненастная, шел сильный дождь с порывистым северо-восточным ветром, и обозы, тянувшиеся всю ночь, прибыли на Джимитейскую косу только под утро.

Между тем, после бурного плавания, 2 же мая, на горизонте показалась и эскадра Грейга с десантными войсками. Она подошла к Анапе и стала на якорь. Как главный начальник экспедиции, Грейг немедленно отправил к анапскому паше парламентаря с требованием сдачи крепости. Паша отказался. «Вы предлагаете мне невозможное, — сказал он русскому офицеру, — начальник ваш исполняет то, что велел ему его Государь, а я не изменю своему. Судьба должна решить, кому владеть Анапою». Оставалось одно — приступить к осаде крепости.

Анапа, построенная в северо-западной оконечности земли черкесов, на мысе, глубоко вдавшемся в море, с трех сторон омывалась водою. Прямо, к западу, расстилалось открытое море, уходя в безграничный простор. К северо-востоку береговой изгиб мыса образовывал залив, пересекаемый небольшой косой, а между заливом и мысом, на котором стояла Анапа, вливается в море речка Бугур. К югу, почти прямой линией, далеко от Анапы тянулся берег, а на восток от нее лежала плоская равнина, обрамленная горами, из-за которых ежеминутно могли появиться черкесы. На этой же плоскости и должны были совершиться все припеты осадной войны.

Оставив на Джимитейской косе, для прикрытия своих сообщений с Бугазом, роту Таманского полка с двумя орудиями и частью казаков, Перовский 3 мая подошел к Анапе и занял тесное пространство по реке Бугуру, между берегом моря и обширным болотом, отделявшим его от гор.

На море все эти дни свирепствовала сильная буря, препятствовавшая высадке десанта, и отряд Перовского, силою в девятьсот человек, должен был стоять один против сильной крепости. Видя, что шторм не позволяет соединиться русским войскам и что корабли за мелководьем не могут приблизиться к берегу даже настолько, чтобы вредить крепости огнем морской артиллерии, турки в продолжение трех дней делали непрерывные вылазки. Перовский, окруживший свою позицию целым рядом небольших полевых укреплений, держался стойко, но вечером 5 мая он тем не менее должен был условными сигналами потребовать помощи. Попытка свезти на берег десант была сделана, но, несмотря на все усилия, только сорок человек были сняты с лодок — остальные ночевали в море. К счастью, под утро ветер несколько утих, и 6 мая тринадцатый и четырнадцатый егерские полки, с восемью орудиями батареей роты седьмой артиллерийской бригады, под командой генерал-адъютанта князя Меншикова, вышли на берег. Турки попробовали разом атаковать десант и отряд Перовского, чтобы помешать их соединению, но попали под огонь кораблей — и отступили. Отряды соединились и тотчас устроили пристань и телеграф для сообщений и переговоров с флотом. Меншиков принял команду над всеми войсками, Перовский назначен был начальником штаба осадного корпуса.

7 мая началось бомбардирование крепости. Три дня громили стены ее морские орудия с флота, а в это время и на суше, на правом берегу Бугура, на плоской песчаной косе, вдающейся в залив, воздвигалась демантир-батарея. Случилось, что в то время, как батарея уже достраивалась, Меншиков получил сведение об одном обстоятельстве, грозившем большой опасностью для осаждающих. Ему сообщили, что при самом устье реки, впереди батареи, находится брод, которым неприятель легко может воспользоваться для внезапного ночного нападения и захвата пушек. Последнее ему было тем легче, что днем с углового бастиона, стоявшего от батареи только на расстоянии картечного выстрела, не могло укрыться ни одного движения русских; Меншиков немедленно один отправился к указанному месту, чтобы лично убедиться в степени опасности. Более

четверти часа пробыл он под сильным орудийным огнем, осматривая берега и течение Бугура, и, вернувшись, приказал посылать на ночь на самую оконечность косы взвод егерей. Весь русский отряд видел холодное мужество своего начальника и беспокоило следил за ним, когда он проезжал по берегам Бугура, осыпаясь неприятельскими снарядами,— это сразу приобрело ему любовь и доверие войска.

10 мая батарея была готова — и два корабельные тридцатишестифунтовые орудия и мортира большого калибра открыли огонь по угловому бастиону крепости. На эту батарею возлагались наибольшие надежды. Нужно сказать, что бомбардирование крепости с моря мало причиняло ей вреда, так как мелководье не позволяло кораблям и фрегатам подходить к ней на близкое расстояние. Меншиков не хотел вести осаду с открытой, наиболее доступной полевой стороны крепости, где стены были не так высоки, рвы менее глубоки. Оттуда некогда атаковал Анапу Гудович. Меншиков, напротив, выбрал северный фас, укрепленный сильнее других, но зато представлявший ту выгоду, что, сбив орудия с двух угловых бастионов, войска уже безопасно приближались к крепости, так как эти же самые бастионы закрывали бы их от выстрелов с других укреплений. Сверх того, доставка с флота больших корабельных орудий и громоздких снарядов была удобнее на этом пункте, нежели на других, куда приходилось бы перетаскивать их на руках солдат. Батарея на косе занимала, таким образом, самый выгодный пункт, соответствующий всем этим целям. А чтобы доставить войскам возможность переходить в наступление и вести траншейные работы к атакованному бастиону, через Бугур наведен был мост и доступ к нему неприятеля загражден редутом, в котором расположились две переброшенные за реку егерские роты.

План Меншикова, верно задуманный, представлял одну слабую сторону. Войска, скученные к устьям Бугура, оставляли открытой плоскость, весьма удобную для сношений крепости с черкесами, которые могли свободно проводить в нее и подкрепления и жизненные припасы. А занять эту плоскость войсками значило растянуть и без того немногочисленный отряд в длинную осадную линию, что, впоследствии, как увидим, пришлось, однако, сделать.

Турки, по-видимому, понимали свою выгоду и попытались задержать русских на той стороне Бугура. В ту же ночь, как только егеря заняли заречный редут, неприятель

сделал сильную вылазку, а крепость открыла огонь со всех своих батарей, стремясь разрушить мост и тем остановить переправу русских резервов на помощь к атакованным. Егеря, однако, выдержали нападение и одни, без резервов, отбросили турок.

Тогда на следующий день последовало новое нападение на русскую позицию, но уже с тыла, со стороны Бугаза. Действовала черкесская конница, спустившаяся с гор, и действовала, видимо, с целью отвлечь от реки в ту сторону большую часть русского войска. Там, прикрывая лагерь, стояли черноморские казаки, на помощь к ним подоспел батальон тринадцатого егерского полка, и горцы, после жаркой схватки, были отбиты. Потери русских в этом деле были бы ничтожны, если бы человек тридцать, еще неопытных в кавказской войне егерей не зарвались в погоне за горцами, они слишком отделились от своего батальона и на его глазах были окружены и изрублены. Трудно сказать, какую потерю понесли черкесы, но в числе убитых был их владетельный князь Сатуг-Ханаш-Ибн-Цака, известный по всей Кубани своими набегами. Он был сражен в рукопашной схватке одним из егерей, которому князь Меншиков тут же подарил сто рублей и пожаловал знак отличия военного ордена.

На этот раз черкесы были отражены удачно, но за будущее было трудно ручаться; они легко могли появиться еще в больших силах и прорваться до лагеря. И вот, чтобы избежать на будущее время подобных опасных случаев, пришлось в тылу, со стороны Бугаза, между болотом и морем протянуть линию ретраншементов, а левее ее, на возвышении, командовавшем всей окрестной местностью и недоступном для черкесов по причине болот, поставить отдельное укрепление. В то же время стало очевидным, что пока не прерваны сообщения крепости с черкесами, невозможно было рассчитывать на успех осады, и потому, несмотря на малочисленность своего отряда, Меншиков решил образовать особую подвижную колонну, которая охраняла бы всю плоскость к югу от Бугура. Два батальона, один от тринадцатого, другой от четырнадцатого егерских полков, при четырех орудиях, перешли Бугур и расположились на равнине, укрепившись двойными редантами, способными защищаться на два фронта. Со стороны реки поставлен был, кроме того, полевой редут, вооруженный двумя орудиями. В этой позиции, готовый отражать и черкесов с гор, и турок из крепости, отряд, сверх того, имел назначение

охранять осадные работы, которые велись от предместного редута к угловому бастиону Анапы. И с этого момента все усилия и горцев, и турок направляются к тому, чтобы восстановить прерванное между ними сообщение.

Осадные работы начались 12 числа, в день нападения черкесов на тыл русской позиции. Но едва заложена была первая полупараллель, как встретились уже препятствия. Со стороны Анапы велись контрапроши, и 15 мая работы столкнулись. В траншеях стояла тогда рота четырнадцатого егерского полка. Командир ее, капитан Туркин, вызвал ночью шестьдесят охотников и бросился с ними на турок. Тщетно турки пытались защищаться, егеря вытеснили их из окопов и разрушили работы.

Теперь явилась возможность к открытию и второй полупараллели.

Осада крепости становилась все энергичнее и энергичнее. Канонирские лодки, бомбарды и другие суда черноморской флотилии, которым мелководье не мешало подходить близко к берегу, неумолчно громили приморские укрепления. Три турецкие кочермы, из числа десяти, стоявших на якоре под пушками крепости, были потоплены, три взяты на абордаж и отведены на рейд, остальные четыре уже ничего не смели предпринимать против русских крейсеров. С суши разрушения крепости также постепенно увеличивались, а блокада становилась все теснее. Войска, расположенные вне лагеря, в поле, только днем имели ружья в козлах, а ночью одна шеренга отдыхала, а другая, в непрерывном ожидании нападения горцев, стояла в полной боевой готовности, и захватить их врасплох было нельзя.

Положение Анапы принимало характер почти безнадежный, и только еще слабая надежда на помощь со стороны черкесов кое-как поддерживала дух гарнизона. Не все, конечно, пути были заняты русскими пикетами, и находились смельчаки, которые по ночам пробирались и из крепости в горы, и с гор в крепость. Путем этих опасных сношений черкесы и турки условились, наконец, между собою об одновременном нападении на русскую подвижную колонну. И вот, утром 18 мая, турецкая пехота сделала сильную вылазку, и в то же время показались горцы. Первый батальон тринадцатого полка, ближайший к крепости, стал отступать к полевому редуту, но редут уже стоял в огне: черкесы со всех сторон атаковали расположенный в нем батальон четырнадцатого полка. Ворваться в редут они, однако, не могли и были отброшены с большой потерей.

Тогда толпы их устремились к Анапе, чтобы соединиться с турецким гарнизоном, но отступавший батальон, поддержанный двумя вышедшими из редута ротами, преградил им дорогу, а две остальные роты четырнадцатого полка зашли горцам в тыл и поставили их под перекрестный огонь. Черкесы в беспорядке отхлынули назад и с ближних высот следили, чем кончится дело у турок. А турки были не в лучшем положении. Покинутые горцами, далеко отошедшие от крепости, они очутились лицом к лицу с егерями, которые стремительным ударом в штыки смяли их и обратили в бегство, а тут подоспели черноморские казаки, и преследование продолжалось до самых стен крепости. Турки потеряли при этом одно полевое орудие, «храбро защищаемое, но еще мужественнее, как доносил князь Меншиков, отбитое флигель-адъютантом графом Толстым, бросившимся на него с двадцатью казаками». Убитые и раненые остались на поле сражения; в числе их был и предводитель горцев владетельный князь Темрюк, погибший вместе с лучшими своими узденями. Богатый панцирь его, доставшийся егерям второй роты тринадцатого полка, как трофеем отправлен был государю. Героем этого дня был граф Толстой со своими казаками, и, по приказанию Меншикова, имя его в ночь на 19 мая служило отзывом для храброго отряда.

Как ни счастливо для нас было дело 18 мая, оно показало, однако, возможность прорыва черкесов в Анапу, и войска, стоявшие на левом берегу Бугура, были усилены. Боевой фронт их, обращенный лицом к горам и тылом к Анапе, протянулся через всю равнину, так что правый фланг начинался у морского берега, южнее Анапы, а левый упирался в Бугур в том месте, где на правом берегу его лежали болота. На этом пространстве войска расположились следующим образом: на правом фланге стоял первый батальон тринадцатого егерского полка в двухротных кареях, имея при каждом из них по одному орудью; в центре — две роты таманцев, а на левом фланге — батальон егерей четырнадцатого полка, также при двух легких орудиях. Предосторожность эта оказалась очень уместной. Носились слухи, что большой отряд горцев находится в сборе, и войска стояли настороже. Действительно, на рассвете, 28 мая, четыре тысячи конных черкесов внезапно появились перед русской позицией. Две роты таманского полка не выдержали натиска, черкесы врубились в каре и в беспорядке с огромной потерей отбросили его на егерей. Две роты тринадцатого полка, вторая и третья, предводимые

командиром седьмой артиллерийской бригады полковником Савочкиным, капитаном Докудовским и поручиком Мусницким, остановили бешеный натиск неприятеля и помогли таманцам спасти свою пушку, но зато сами они попали под удар всей массы черкесской конницы. Завязался упорный рукопашный бой. Атака следовала за атакой, удар за ударом. Несколько раз врубались черкесы в каре и несколько раз выбрасываемы были из него штыками. Воодушевляемые своими офицерами, молодые солдаты ни на одну минуту не позволили расстроить фронт и нарушить порядок, от которого зависело спасение: рубили одних — другие смыкали ряды, и горцы повсюду встречали сплошную стену нависших штыков. Менее чем в полчаса рота Мусницкого потеряла из ста двадцати пятьдесят три человека изрубленными и, несмотря на непомерную убыль, все-таки удержалась на месте. Ни одна из ближайших частей не могла между тем подойти на помощь: остальные две роты того же батальона, занимавшие правую оконечность линии, и две роты четырнадцатого полка, по первым выстрелам подоспевшие сюда из лагеря, удерживали в это время натиск турецкого отряда, вышедшего из крепости. Но турок было много, и егеря, подавляемые превосходством сил, медленно отходили назад, оспаривая каждый шаг у неприятеля. Трудно сказать, чем бы кончился кровавый день, если бы первый батальон четырнадцатого полка, еще не принимавший участия в деле, не двинулся с левого фланга и внезапно не появился бы в тылу у черкесов. Заметив это движение, угрожавшее отрезать им отступление в горы, горцы тотчас прекратили бой и, подобрав убитых, ускакали, увезя с собой и свои орудия. Турки опять остались одни. Тогда каре полковника Савочкина и две роты таманцев, освободясь от стремительного натиска горцев и обеспеченные с тыла батальоном егерей, устремились на турок; отступавшие колонны также перешли в наступление; шестая рота четырнадцатого егерского полка сразу отбила турецкую пушку, и неприятель поспешно стал отступать. Но укрыться в Анапе удалось только тем, кто бежал шибче других и менее других думал о сопротивлении.

Дело в том, что в момент, когда неприятель повернул назад, из траншей выскочила четвертая рота четырнадцатого полка и, вместе с конными полками черноморских казаков, прискакавшими сюда с атаманом Бескровным, отрезала его от крепости. Тогда произошла страшная сцена. Часть уходившей артиллерии моментально захвачена была

казаками, множество турок было изрублено, а человек семьсот из них загнаны были на высокий утес, высившийся над морской бездной, и беспощадно сброшены в море.

Кровавая схватка эта памятна одним эпизодом, который должен быть сохранен в потомстве как пример необычайного самоотвержения и привязанности к начальнику русского солдата. Когда турки прижаты были к круче, командир четвертой роты штабс-капитан Томиловский схватился на самом краю обрыва с турецким офицером. Долго боролись они, наконец Томиловский подтолкнул своего противника к круче, но потерял равновесие, и сам увлечен был в бездну. По счастью, небольшая скала, выдававшаяся из отвесной стены берега, задержала его падение. Томиловский жестоко расшибся, но успел удержаться и повис над бездной. Между тем турецкий гарнизон, желая спасти хоть часть своих товарищей, выслал из крепости вдоль берега, прикрытого крутизной, небольшой отряд, который снизу мог обстреливать край обрыва. Турки увидели русского офицера, висевшего над бездной, открыли огонь и прострелили ему ногу. Изнемогая от раны, Томиловский уже готовился к смерти, которая казалась ему неизбежной, как вдруг услышал над своей головой шорох и шум скатывавшихся вниз камней. Двое солдат четвертой роты, несмотря на явную смерть, грозившую им при малейшей неосторожности, спустились к нему, цепляясь за выдававшиеся камни. Но вот перед ним голый утес — дальше ползти нет никакой возможности. Солдаты, осыпаемые снизу градом турецких пуль, кое-как утвердились на камне и протянули Томиловскому ружья. Раненый Томиловский не мог встать на ноги. От чрезмерного усилия поднять его один из солдат потерял равновесие и упал в пропасть. Другой, видя, что один не в силах спасти начальника, вернулся наверх, позвал другого товарища и вместе с ним вторично начал спускаться с утеса. Томиловский кричал им, чтобы они не подвергали себя почти верной смерти, приказывал им удалиться и оставить его на произвол судьбы. Но солдаты молча и настойчиво делали свое дело. Вот они уже на последнем уступе. Связав вместе несколько поясов, снятых с убитых турок, они бросили конец Томиловскому и, после долгих усилий, втащили его наверх. Рота окружила своего командира и торжественно, на руках, понесла его в лагерь. Томиловский держал в руках богатую турецкую саблю, добытую им от своего противника, — трофей, который он не бросил даже тогда, когда, израненный и истомленный, висел

над страшной бездной. Рана Томиловского была смертельна, и он через несколько дней скончался. Имена героев-егерей, с таким самоотвержением спасавших командира, к сожалению, забыты.

Победа 28 мая сделала падение Анапы неизбежным. Тотчас после боя, на самом обрыве морского берега, там, где произошла кровавая катастрофа, поставлено было большое укрепление, названное, в честь черноморского атамана Алексея Даниловича Бескровного, Алексеевским, а от этого укрепления до главных осадных работ протянуты были ложементы, куда на ночь вступали роты. Крепость была совершенно окружена. А чтобы отнять у турок и последнее средство сообщаться с горцами по узкой песчаной полосе, лежавшей между подошвой береговых утесов и морем, поставили особый пост и вооружили его фальконетом. Спуститься с прибрежных высот к морю возможно было только на веревках, поэтому на пост вызывались охотники, которых спускали вниз на канатах вместе с трехдневным продовольствием и запасом патронов. По прошествии этого времени их поднимали наверх, а новых таким же порядком спускали на их место. Чтобы в случае надобности подать посту необходимую помощь, в недалеком расстоянии от него постоянно стояли в море два вооруженные катера. При таких условиях сообщения с горцами действительно затруднены были до крайности. Да горцам было и не до турок. Атаман Бескровный со своими конными и пешими полками ходил в это время в горы, предавая огню и мечу попутные аулы. Тревога распространилась по ближним и дальним ущельям, и черкесы, спасая свое имущество и семьи, покинули Анапу на произвол судьбы.

Так шли дела до 10 июня, когда осадные работы подвинулись к самому гласису и начали спускаться в ров двойной сапой. Крепость давно уже лежала в развалинах: зубцы на стенах ее были сбиты, башни опрокинуты; брешь была так велика, что по взятии крепости казаки свободно проезжали через нее верхом. Но турки еще не сдавались, и, чтобы сломить наконец их упорство, князь Меншиков решился штурмовать Анапу. 10 июня сделаны были все нужные для этого распоряжения: штурмовые колонны назначены, в войска розданы лестницы, крюки и фашины. Еще полчаса — и колонны пошли бы на приступ, но в это время паша, сделав все, что было в его силах, вступил в переговоры. Они длились два дня, и наконец 12 июня анапский гарнизон сдался. Комендант крепости знаменитый Чатыр-Осман-ог-

лы и все женатые турки, по условию, получили свободу и вернулись на родину.

В тот же день, 12 июня, батальон тринадцатого егерского полка прошел через брешь в город и занял крепостные бастионы. Ровно в полдень на стенах Анапы, обращенных к морю, взвился флаг начальника морского штаба — впервые со времени его учреждения. Флот салютовал ему; крепость отвечала флоту громом турецких орудий.

Падение Анапы совершилось. Энергия, выказанная при этом русскими войсками, вызывает невольное удивление, и князь Меншиков в письме к государю не находит слов, чтобы выразить похвалу егерским полкам, «которые, будучи составлены из людей молодых, впервые делавших кампанию, не уступали в хладнокровии и мужестве старым, испытанным воинам». Но эта энергия выразилась и не в одних только чисто военных действиях. Быть может, еще большее удивление вызывает безропотное перенесение страшных трудов и лишений, с которыми сопряжена была вечно тревожная стоянка перед крепостью. Во все время осады войска бивуакировали под палящими лучами солнца, не имея ни палаток, ни одного деревца, под тенью которого можно бы было укрыться. Только один начальник отряда князь Меншиков имел у себя ставку, да невдалеке от пристани разбито было несколько больших наметов из корабельных парусов для подвижного лазарета. Вне лагеря солдаты почти половину времени стояли под ружьем, и труды их были так велики, что Меншиков вынужден был позаботиться об облегчении их одежды: тяжелые кивера, мундиры, ранцы и портупей со штыковыми ножами — все это сложено было в лагере, и солдаты выходили в строй в шинелях и фуражках, имея при себе только ружье да патронные сумки. А между тем, при этих тяжких условиях жизни, солдаты питались чрезвычайно плохо. В течение всей осады люди не видели свежей говядины и варили одну кашницу, иногда с солониной, а иногда пустую. Дров не было, и солдаты дрожали по ночам от холода, не имея возможности раскладывать костров. Правда, приморские горы были покрыты мелким кустарником, но его стерегли черкесы, и посылать туда за дровами людей было бы крайне рискованно. К счастью еще, вся болотистая низменность, прилегающая к лагерю, густо заросла камышом, который солдаты и употребляли для варки пищи: не будь этого камыша — не на чем было бы даже сварить себе кашницу.

В пресной воде чувствовался также большой недостаток, потому что в Бугуре вода была болотистая, а в колодцах, которые пытались рыть, — солоноватая. Вследствие всех этих условий в отряде развилась страшная цинга, и более двухсот человек пришлось отправить в Севастополь.

Несколько в лучшем положении находился флот, но зато на его долю выпала не менее тяжкая и сложная задача блокирования крепости с моря. Без его содействия невозможно было овладеть Анапой; он отрезал крепости все сообщения с морем, перехватывал неприятельские суда и в течение осады забрал более тысячи пленников. Моряки не были к тому же праздными зрителями того, что делалось на суше, и команды матросов, высаживаясь на берег, наравне с егерями работали в траншеях.

Русские потеряли в боях более двухсот семидесяти человек убитыми и ранеными, не считая офицеров, о которых в официальном журнале, веденном во время осады, сведений не сохранилось; упоминается только, что 6 июня, во время сильного огня с турецких верков, контужен был ядром атаман Бескровный.

Ценой всех этих жертв и усилий русские взяли в Анапе четыре тысячи пленных, двадцать девять знамен и восемьдесят пять орудий. Но главный результат, конечно, заключался не в этих частных приобретениях. С окончательным покорением Анапы к России навсегда переходило господство над восточным побережьем Черного моря, и крепость уже никогда более не возвращалась Турции. Таким образом разрушилось гнездо, где постоянно зрели возмущения и созидались заговоры против русской власти. И хотя последствия показали, что с покорением Анапы еще не решался вопрос об умиротворении черкесов, набегии которых с тех пор приняли особенно кровавый характер, тем не менее устранение на них турецкого влияния, быть может, предотвратило еще большие ужасы, которые не имели бы тогда для России характера только чисто местных и внутренних смут.

Весть о покорении Анапы доставлена была государю уже за Дунаем, в лагере при Кара-Су, куда флигель-адъютант граф Толстой привез ключи и флаг покоренной крепости. Государь пожаловал Грейгу чин адмирала; Меншикову — орден св. Георгия 3-ей степени и чин вице-адмирала; Перовский и Бескровный произведены были в генералы, и последнему из них дан орден св. Георгия 4-ой степени. Всем полкам, как егерским, так и казачьим, участвовавшим

в экспедиции, пожалованы были знамена с надписью «За взятие Анапы».

Более двух недель эскадра простояла после того под Анапой. Наконец, 3 июля, десантные войска снова сели на корабли, и егерская бригада отправилась к Варне, чтобы там променять заслуженные ею знамена на знамена Георгиевские и к надписи «За взятие Анапы» прибавить еще новую надпись «За взятие Варны». Впоследствии оба эти полка, почти в полном своем составе, поступили на формирование нового лейб-егерского полка после известной катастрофы, постигшей этот старый полк в окрестностях Варны.

Не лишнее сказать, что с судьбой Анапы тесно связаны воспоминания о двух замечательных людях, в свое время игравших крупную роль среди кавказских горцев.

В числе пленных, взятых при сдаче крепости, был некто Сефер-бей, шапсуг по рождению. В молодых годах, попав в плен к русским, он некоторое время учился в Одесском лицее, но не мог примириться с европейской жизнью и ушел в горы. Случай привел его в Царьград, и там его приняли в службу султана. Природные дарования его были замечены, а некоторое образование, полученное им в России, дало турецкому правительству мысль употребить его как агента не только для сношений с кавказскими горцами, но даже с арабами в Египте и Алжире. В Анапу Сефер-бей попал случайно, перед самой осадой, и скоро сделался душою ее обороны. Во время вторичного плена он жил в Пазарджике и был хорошо принят в доме коменданта генерал-майора Куриса, которого посещал почти ежедневно. Как о замечательной черте его характера рассказывают следующее. В Пазарджике он видимо стал тосковать и раз сказал Курису: «Меня убивает мысль, что я, находясь почти на свободе, не пользуюсь случаем бежать в соседние леса, откуда через несколько часов буду в Шумле. Долг чести требует, чтобы я попытался бежать, но я обязан вам гостеприимством и знаю, что мой побег причинит вам большую неприятность, а потому прошу вас, прикажите смотреть за мною строже. Отняв у меня возможность бежать, вы тем облегчите мою совесть». Два года прожил Сефер-бей в Пазарджике и, по заключении мира, возвратился в Турцию.

Другой из этих людей — знаменитый своей романтической судьбой Амалат-бек, герой Кавказских гор Ермолов-

ской эпохи. Вынужденный бежать после убийства полковника Верховского, он, после долгих скитаний, укрылся наконец в Анапе. Но здесь ему суждено было снова встретиться с русскими. Как известно, Марлинский в своей «Кавказской были», озаглавленной именем этого героя, рассказывает, что на одной из вылазок, 18 или 28 мая, ядром оторвало Амалат-беку руку и что будто бы он взят был в плен и умер в русской траншее. Справедливость требует, однако, сказать, что он действительно был тяжело ранен на вылазке, но горцы успели увести его из крепости прежде, чем она сдалась. Остаток жизни он прожил среди черкесов в нищете и неизвестности и кончил ее, пораженный оспой.

Прошли многие годы. Время изгладило следы кровавой борьбы, совершившейся под Анапой, и только вечно бурливое Черное море лижет подножие старинных стен и немолчным грозным рокотом рассказывает таинственную сагу о промелькнувших перед ним временах и героях. Но, в некогда гордой мусульманской твердыни, и поныне сохранился памятник подвига, совершенного в 1828 году русскими войсками. Это — большая каменная православная церковь, обращенная из главной турецкой мечети, поврежденной во время осады русскими ядрами. Она освящена в память того знаменательного дня, когда над ниспровергнутой магометанской луною поднялся Господний крест, как знамение покоя, тишины и вечного мира.